

Ольга Аро

ШЕПОТ ЗВЕРЯ

ВИНА ЗВЕРЯ

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЗВЕРЯ

ТЕНЬ ЗВЕРЯ

ГЛАВА 1

Жизнь умела удивлять.

Видимо, самым большим преступлением для Раза лет в четырнадцать было воровство злополучных слив, а вот Вэл в этом возрасте игралась с травой, иногда балуя себя Черной солью. Денег на то и другое у нее не хватало, приходилось выкручиваться.

Она воровала, сбывала ворованное у менял, забивала дешевой помойной жратвой ноющий желудок, а на оставшиеся монеты позволяла себе небольшие удовольствия. Долго это не продлилось — смерть неотступно ходила за теми, кто слишком сильно увлекался подобными развлечениями. Вэл же хотела жить.

Но лживое чувство спокойствия и мнимой безопасности, которое дарили трава и различные грибные вытяжки, было притягательно. Вэл хорошо помнила его и не колебалась, принимая решение на время выкинуть себя из осточертевшей реальности.

Не прогадала.

Тело получило то, что желало, а сердце, ведомое телом, обманулось и притихло, забывшись.

Время ожидаемо растворилось и перестало существовать. Под кожей пробежали миллионы иголок, приятные, как прикосновения пальцев любимого.

Она приоткрыла глаза, прислушиваясь к себе. Боль отступила, перестав восприниматься неотъемлемой частью ее самой. Она больше не была похожа на мучительное страдание, свернувшись в маленького безобидного зверька глубоко внутри.

Улыбка коснулась губ.

Пальцы увязли в грязной земле, когда Вэл, оттолкнувшись от стены, оперлась на руку и поднялась. Брезгливое чувство возникло и тут же исчезло. Вэл коротко рассмеялась, вытерла ладонь о черные штаны, наслаждаясь мягкостью дорогой ткани.

Никогда прежде у нее не было подобной одежды. Не было даже мысли купить ее: грязной попрошайке, ночующей на улице, ни к чему баловать себя. Но теперь она была одета как принцесса, по-другому и не скажешь.

Скажешь. Как дикая принцесса.

«Где же мой принц? — хотелось спросить Вэл. — Где ты, ублодок?»

Наверняка развлекается со своей сестрой. Или со смазливой девчонкой, из-под черных ресниц наблюдая за Зеном, играющим с милым ртом.

Вэл засмеялась, тут же поморщилась от звука собственного голоса и тряхнула головой, пытаясь привести себя в чувство. Медлительность и нега завладели ею, звуки обрели насыщенность, а краски стали ярче.

Осенний холод, проникая под короткий плащ, больше не морозил кожу, наоборот, казалось, он дарит очередную порцию удовольствия, лаская подобно любовнику.

Вэл повела плечами, обхватила шею ладонями, разминая ее, прикрыла веки и медленно выдохнула.

Когда она открыла глаза, от былой голубизны радужек не осталось ничего, кроме ночной темноты зрачков, в глубине которых загоралось медленно занимающееся пламя.

Вэл любила это состояние: легкое возбуждение, щекочущее под солнечным сплетением.

Ее собственный зверь просыпался, голодный, почти разъяренный, желающий утолить свои инстинкты.

И Вэл была намерена дать ему то, что он желал.

Она совершенно не помнила, где встретила его. Нахмуривая брови, Вэл смутно вспоминала компанию, к которой прибилась едва ли не сразу, покинув лачугу. Она помнила, как двигалась бесцельно, засматриваясь в изумлении на собственные носки сапог, будто видя их впервые, и вот — она поднимает голову, встречая карие, как спелые каштаны, глаза.

Вэл даже не могла сказать: красив ли он и сколько ему лет. Она знала только то, что его глаза, поблескивающие в неверном свете луны, отливали ржавчиной и медью, совсем не похожими на темноту ночи. Рядом был кто-то еще, люди без лиц и имен, они смеялись и сплевывали сквозь щербинки меж гнилых зубов, размахивая руками и бранно проклиная весь этот поганый мир.

Вэл видела девушек, осознавая их присутствие, замечая юные спелые тела. Грязные платья, путанные распущенные волосы, мелькающие из-под юбок голые ноги в царапинах и тонкие лодыжки, отчего-то вызывающие противное брезгливое чувство.

Ей протянули большую бутылку, и она сделала глоток, обжигая горло.

Кто-то отметил ее новый плащ на тонком меху, прозвучали обрывистые недовольные фразы, и Вэл, не желая быть чужой среди равных себе, достала из кармана наполовину полный кошелек, который дала ей Дэни. Ей не нужны были деньги, потому что сегодня они не имели для нее ценности.

Зато, похоже, они имели ценность для других. Парень с глазами-каштанами обвил рукой ее талию, другой прижимая ее голову к своей груди. Вэл почувствовала запах давно немытого тела и ухмыльнулась. Привычно, знакомо. Ее уровень.

Она обхватила парня руками, прижимаясь к твердому чужому плечу. Парень засмеялся, и по его неровному смеху она поняла, насколько он пьян.

Она тоже хотела быть пьяной. Этого требовали и ее тело, и ее душа.

Ей было мало всего. Мало спокойствия, которое подарила Черная соль, мало равнодушия, и совершенно не нравилось то, как часто билось сердце. Вэл жаждала тишины в израненной душе.

Улыбка, смех и протянутая рука, а затем — выпивка, мутная и вонючая, щедро льющаяся в горло.

Прогодала, конечно. Дешевое пойло ударило в голову, забило в висках головной болью, вызывая обратный эффект. Вэл услышала свой голос, небрежный громкий смех и поняла, чтохватила лишку.

Зато парню она, похоже, нравилась. Он прижимал ее к себе, гуляя руками по телу, почти не стесняясь и не задаваясь лишними вопросами.

Он вообще не говорил с ней. Проворные пальцы нырнули за пояс штанов, нетерпеливо скользнули вниз по животу. Чужие прикосновения отдались тошнотой в желудке. Вэл скривила губы, толкая парня в грудь.

Тот недовольно зашипел и запустил пятерню ей в волосы, стискивая ладонь.

Он потянул ее лицо к своему, будто желая разглядеть. Вэл же, с большим трудом сдерживаясь от размашистого удара, разглядела его.

Ничего особенного. Совсем молодой, с грязной кожей, серой в вечерних сумерках, с поцарапанным лицом и обкусанными, как у нее самой, губами.

Еще немного, год или два, и не останется ничего, что отличало бы его от таких же побитых жизнью дешевок. Вэл знала, что его ждет в подобном месте. Очередной собутыльник, напившись, зацепится случайным словом и избьет его, оставив полуживого. И у него, в отличие от Вэл, не будет рядом стаи, которая подберет и не даст сдохнуть подобно жалкой собачонке.

А может быть, он просто сопьется и сгинет в сточной канаве, завершая свою жизнь самым логичным концом.

Вэл несколько не жалела о его участи — он слишком раздражал ее своими липкими прикосновениями и жадными поглаживаниями.

Парень, не отпуская волосы, потянул ее в сторону, желая увести от пьяной компании. Ведомая им, она послушно шагнула следом, цепляясь пальцами за его куртку, натягивая ткань, и ему пришлось остановиться. Она засмеялась в ответ на его недовольный возглас, и он, успокоившись, что-то зашептал ей, отдавая дыханием, в котором Вэл чувствовала резкий запах алкоголя и съеденной им ранее пищи.

Было немного противно, но она с весельем урезонила себя. Быстро же разбаловалась на персиках и винограде Раза, забыв о том, чего достойна на самом деле.

Темный закуток между двух покосившихся лачуг надежно скрыл их от людских глаз. Под подошвами сапог противно

расползалась жижа, едкий кислый запах блевотины ударил в ноздри.

— Снимай штаны, — шепнул парень, стискивая пальцы в ее волосах, заставляя запрокинуть голову.

Настойчивые губы прижались к рту, влажно раскрылись, завлекая.

Вэл, ощущая сильную брезгливость, чуть оттолкнула его от себя, замечая в глазах злое изумление.

— Что такое? — с досадой в голосе спросил парень, отпуская наконец волосы и принимаясь поглаживать грудь девушки сквозь плотную ткань туники.

— Ты считаешь меня красивой? — Вэл вскинула руку, дотрагиваясь пальцами до подбородка парня.

Глаза его, полные похоти, влажно заблестели.

Красивой, какой видел ее Раза.

«Повезло тебе, глупец, ты даже не представляешь, с кем имеешь дело».

Наверное, парень был бы сильно удивлен, узнав, что желает разделить собственность с самим наместником.

— Ты красивая сучка, — осипшим голосом сказал парень, проводя языком по потрескавшимся губам. Пальцы его сжали грудь Вэл.

Он смотрел на нее полупьяными, полными тумана глазами.

Идиот.

— Ненавижу, — на выдохе зло сказала Вэл, прищуриваясь, и парень вдруг замер, теряясь под ее взглядом.

Вечерний воздух показался густым, насыщенным, плотным, кружащим голову, когда Вэл резко и со всей силы ударила коленом в пах парня. Тот засипел, неуклюже взмахнул руками, тут же получая локтем в лицо.

Парень вскрикнул, отступил на шаг, хватаясь за разбитый нос, между пальцев потекли темные струйки.

Крепкая тугая застежка поддалась на удивление легко.

Вэл швырнула браслет под ноги парню, смотря, как золото пачкается в грязи.

— Продай его. Он дорого стоит, поверь мне, — сказала Вэл, наблюдая, как вспыхивает изумлением посеревшее лицо. —

Думаю, на вырученные деньги ты сможешь снять любую местную шлюху.

Вэл ухмыльнулась, накинула на голову капюшон и шагнула прочь, оставляя за спиной ошарашенно молчавшего парня.

— Где ты была? — жестко спросила Дэни, не сводя разозленного, почти хищного взгляда с Вэл.

Та захлопнула входную дверь и коротко хохотнула, пожившись от слишком громкого звука. Затем сняла плащ, небрежно зашвырнула его на большой деревянный комод, отряхнула рукав черной туники и подняла глаза.

— Что такое, Дэни? Неужели меня кто-то искал?

— Раза. — Раздражение на красивом лице казалось неестественной маской. Вэл пожала плечами с хладнокровным и равнодушным видом.

Получилось почти идеально. Того гляди, и сама поверит в собственную бесстрастность.

— Круто. Ты сказала ему, чтобы он шел в пекло?

— Скажи это сама. — Едкое ехидство чуть не закапало сквозь сжатые губы Дэни, и Вэл вопросительно глянула в ее лицо, недоуменно нахмуривая тонкие брови.

— Дэни, оставь нас, пожалуйста. — Ровный знакомый голос, прозвучавший из-за спины Дэни, заставил сердце подпрыгнуть до самого горла.

Руки мгновенно вспотели, по позвоночнику прошлись молнии, вынуждая судорожно выпрямить спину.

— Ра, прошу, не трогай ее. — Дэни обернулась к Раза, чья высокая фигура замерла у тихо трещавшего сухими поленьями камина.

Он смотрел в огонь, бликами теней играющий на его лице.

— Ты слышала меня. — Несгибаемо и резко прозвучал сильный голос, блеснули черные пронзительные глаза, и Вэл, не сводящая влажного взгляда с широкой спины в черной куртке, запоздало дернулась, когда вновь хлопнула входная дверь, оставляя ее наедине с самой страшной и одновременно самой желанной тварью в жизни.

И тут же злость, словно дремавшее в почве зерно, проснулась, проклевываясь, сбрасывая сухой покров, прорастая и поднимаясь ввысь, питаясь обидой как солнечным светом.

И боль, забытая было, заснувшая, ее верная спутница, не заставила себя долго ждать, расправила пушистый хвост, оскалив острые зубы.

Вэл стиснула челюсти и шагнула вперед, проходя в просторную комнату, минуя коридор, замирая у дверного косяка. Тихо, но неприятно скрипнули чистые половицы под подошвами грязных сапог.

Раза медленно повернулся к ней, меряя ее привычным, ничего не выражающим взглядом.

Вэл остановилась, вскидывая подбородок, смело заглядывая в бледное лицо, с вызовом в сверкающих глазах. На виске тонко, назойливо и неприятно забились вена.

— Где и с кем ты была? — Прямолинейный вопрос ударил словно кинжалом.

Вэл оскалилась, чувствуя, как против воли растягиваются в усмешке губы.

Злость, как неконтролируемый пожар, поднялась стеной настолько сильная, что мешала дышать.

— Ну, — она вытянула вперед руку, игриво маня пальцами, — иди сюда, моя сука. Давай, укуси меня. Ты же этого хочешь, правда?

Черная бровь едва заметно дернулась, приподнимаясь.

Раза изогнул губы и хмыкнул, с недобрый прищуром смотря на Вэл.

И медленно, не опуская черных глаз, двинулся вперед. Вэл, наблюдая за движением узких бедер, отстраненно отмечая ремни, выглядывающие из-под расстегнутой черной куртки, с трудом сглотнула, точно царапая горло.

Злость, придававшая сил, растворилась за пару ударов сбившегося с ритма сердца.

Дыхание застряло где-то в горле, собираясь комом под подбородком.

Раза приблизился, останавливаясь в шаге, с легким пренебрежением полоснул взглядом, как бритвой, смотря на нее с высоты своего роста.

Вэл знала, что он чувствует запах ее пота и видит пыль, вьющуюся в кожу. Черные непроницаемые глаза отмечали каждую деталь: засохшую грязь на одежде, спутанные волосы и обветренные сухие губы, обкусанные до крови.

Страх колыхнул душу, дрожью пробежался по затылку, приподнимая волосы. Вэл из последних сил смело запрокинула голову, замерев в ожидании неминуемого наказания, и сжала кулаки, до боли впиваясь ногтями в мокрые ладони.

— Иди ко мне, — на выдохе шепнул Раза, протягивая руки и обнимая ее за плечи, сжимая крепко, притягивая к себе уверенным сильным движением.

Как под дых ударил, выбивая весь воздух из легких. Вэл приоткрыла губы, силясь вдохнуть, уткнулась подбородком в его плечо, ощущая тепло кожаной куртки, и еле слышно заскулила, чувствуя, как обрывается все внутри, падая в самые темные глубины.

Ноги предательски подогнулись, она запнулась, чуть отодвинулась назад, увлекая Раза за собой, понимая, что еще немного, и просто бессильно рухнет вниз. Она прижалась спиной к стене, вслушиваясь в безумие, происходившее в сошедшем с ума сердце, в разрывающем душу неслышном крике.

Вот... так просто? Вэл пыталась сказать что-то, но лишь беззвучно шевелила губами, не в силах выдать ни звука, уставившись невидящим взглядом в пылающий за спиной Раза камин.

Ее затрясло. Заколотило все тело, прошивая нескончаемой судорогой. Руки, висящие плетьюми, дрогнули, поднимаясь, и осторожно, будто примеряясь, неуверенно обняли Раза за талию. И тут же, отзываясь на невесомое прикосновение, он крепче стиснул пальцы на обмякших безвольных плечах, опуская голову и вжимаясь лицом ей в шею.

Стон сорвался с губ. Не стон, а жалкий скулеж побитой собачонки, подобранной в подворотне.

Вэл прикрыла веки, всем телом прильнув к Раза, желая чувствовать его, как раньше, когда каждый из них принадлежал только друг другу.

Сдалась без боя. Как и всегда.

Каждый вдох звучал как свист, легкие горели, сдавленные крепким объятием.

И тихая необъяснимая боль распустилась прямо посреди груди, ноющая, тягучая, липкая как смола, от которой не отмыться, что бы она ни делала.

ГЛАВА 2

Смотря в черные непроницаемые глаза приближающегося Раза, Вэл, так яростно желающая избавиться от боли, грызущей изнутри, вдруг поняла, что не может насытиться ею.

Оказывается, даже страдание могло питать и приносить удовольствие. Открытие, которое должно было удивить, но не удивило.

От долгого сидения на полу онемело все тело. Спина, приклоненная к стене, заняла в пояснице, но никакой решимости прервать крепкое объятие не находилось.

Вэл и вспомнить не могла, как они оказались внизу и каким образом получилось, что Раза, от которого она ждала только боли, прижимался к ней с невероятной нежностью, будто ее собственный пес, лапшащийся после долгой разлуки.

Руки Раза обнимали ее талию, голова покоилась на груди, и все это было так неестественно, что казалось сном.

Потому что новый Раза, которого Вэл знала, никогда не позволил бы себе преклониться перед бывшей любовницей. Этого не могло случиться. После всего произошедшего, после всех страхов и долгого мучительного ожидания. Кто угодно — но не Раза.

С мучающей ее сладкой, немного терпкой, горячей внутри болью Вэл ждала наказания, почти жаждала его. Она хотела вызвать в черных глазах ярость, хотела ощутить вкус собственной крови во рту. Все ее искореженное, изломанное существо требовало боли. Больше и больше.

Но Раза решил иначе, и Вэл не осталось ничего иного, кроме как покориться.

Он не говорил ни слова, прижимаясь лицом к ключицам Вэл, щекоча черными волосами под подбородком, обнимая мягко, но крепко, а она, запрокинув голову, вжавшись затылком в стену, дурела от его присутствия рядом, не понимая и доли того, что происходило.

Она чувствовала чужие руки на своей талии, теплое щекочащее дыхание на шее, ощущала вес тела, давящий на грудную клетку, колено Раза вжималось ей в бедро, и Вэл, растерянная, почти не осознавая своих движений, прикрыв глаза и

погрузившись в подобие дремы, гладила руками широкую спину.

И было во всем этом что-то неправильное, будто они поменялись местами, и Раза больше не казался сильным и уверенным, знающим, что правильно, а что нет. Вэл не хотела верить своим чувствам. Боялась поверить в них.

Не хотела принимать желаемое за действительное, не хотела потерять себя, когда наваждение рассеется и дикий пес, прижимающийся к своему хозяину, вновь оскалит пасть.

Рука, дрогнув в сомнении, плавно поднялась и зарылась в густые черные волосы. Мягкие. Такие, как она помнила.

Раза глубоко вздохнул, пошевелился, ладони его отпустили ее талию. Затем он приподнял голову, потянулся вперед и тут же легко и ласково провел языком по ее шее.

— Тебе стоит привести себя в порядок, — тихо шепнул Раза, касаясь глухими словами горевшей кожи.

Вэл опустила голову и подняла веки, встречаясь с ним взглядом. В черных глазах, уставших и спокойных, она увидела свое отражение. И улыбнулась.

— Почему ты смеешься? — Раза немного отстранился от нее, заглядывая в испачканное, запыленное лицо.

— Потому что мне смешно. — Вэл, изо всех сил пытаясь стереть с губ предательскую, выдающую ее взволнованность улыбку, отвела взгляд, наблюдая за часто бьющейся веной на его шее.

«Волнуется, — поняла Вэл. — Как всегда, скрывая свои чувства за деланным бесстрашием. Словно не живое существо, а каменная статуя».

Но Вэл давно осознала, кто прячется за ледяным панцирем.

И пусть для всего мира этот мужчина являл собой воплощение строгости и равнодушия, она слишком хорошо знала черного зверя и его багровое сердце, прятавшееся за мягким мехом.

— Как давно ты приняла это дерьмо?

Вопрос не удивил. И даже почти не испугал.

— Дай подумать. — Вэл сжала губы, пытаясь унять ненормальное, безосновательное, какое-то дурное ликование, овладевшее ею. — Я не помню. Сегодня. Или вчера.

Раза промолчал, ровно смотря в лицо, полное веселья. От прямого взгляда, привычно безучастного, становилось немного не по себе.

— Больше ты не будешь позволять себе такие вещи.

— Это приказ, наместник? — с иронией в голосе спросила Вэл.

Ладонь ее, замершая было в черных волосах, опустилась ниже по виску, коснулась острой скулы. Вэл, спасаясь от медленно надвигающейся истерики, всегда приходящей на смену приступам беспричинной радости, посмотрела на сжатый рот Раза и осторожно, но игриво дотронулась большим пальцем до его нижней губы.

Раза молчал, не опуская темных как ночь глаз. Не двигался, будто не чувствуя рук девушки, не реагируя на ее прикосновения.

— Откуда в тебе такая тяга к разрушению? — спокойно спросил он.

Задело. Вэл хмыкнула, опустила руку, стукнула пальцами по доскам пола и подняла глаза, обретая уверенность, подкрепленную легкой зудящей злостью.

— Виновата конечно же всегда я, — жестко, растеряв всю веселость, смотря уверенно, произнесла она.

— Нет, виноват я, — не моргая, не отводя взгляда, сказал Раза, понизив тон. Помолчал, а затем добавил, не меняясь в лице: — Прости меня. Умоляю.

Вэл дернулась, как от удара, едва контролируя собственное тело. Она попыталась было нацепить на лицо былую маску веселости или, если получится, бесстрастности, но тут же сдалась, понимая всю тщетность своих усилий.

Сердце выбивало дробь, проснувшись в мгновение ока, застучало в висках, грозя обернуться головной болью.

Она приоткрыла губы, провела языком по зубам, понемногу, мучительно медленно втянула носом воздух и растерянно моргнула.

Сколько она уже чувствовала себя на грани? Неделю? Месяц? Год? А может быть, пора признать очевидное — все долбаные четыре года с того самого момента, как высокий незнакомец в черном прижал ее к дереву, скрывая от неизвестного монстра?

— Почему я? — Вопрос вырвался сам собой, необдуманно, но с яростной искренностью.

Губы Раза изогнулись. Не улыбка и не насмешка. Что-то среднее, заставившее почувствовать холод, пробирающий до мурашек.

— Ты видишь в моей жизни кого-либо более подходящего? Я — нет.

— Отпусти меня, — чувствуя, как слова высушивают глотку, хрипло попросила Вэл. — Сделай это.

Время замерло. Сердце с шумом било в голове, а в груди грохотало уже молотом. Дрожащая рука легла на выпрямленное колено, стиснулась в кулак.

Вэл знала ответ, который хотела услышать. Знала его и искренне ненавидела.

Раза посмотрел на нее черными глазами, скользя по побледневшим скулам долгим, опаляющим, едким взглядом.

— Я отпускал тебя, но ты всегда возвращаешься, Кролик. Удивительно, правда?

— Я тебе не нужна, Ра, — сказала Вэл и тут же пожалела о своих словах. Звучало жалко — как мольба. Почти нескрываемое желание услышать обратное.

Молодец, нечего добавить.

Она на мгновение прикрыла веки, желая со всей силы ударить кулаком по доскам пола. Так, чтобы разбить руку. Удержалась с трудом.

Давно прирученная, послушная дурочка.

— Я сам решу, кто мне нужен. И спрашивать твоего мнения в этом вопросе я больше не буду.

Слова пробирались под кожу, цеплялись маленькими коготками за нежную плоть. Ранили чуть-чуть, аккуратно и почти нежно.

— Ты и раньше не спрашивал. — Вэл опустила голову, внезапно смущенная, растерянная, заставляя себя дышать ровно, успокаивая неприятно зачастившее сердце.

Она засмотрелась на серебряный кулон, сверкнувший на груди Раза. Переплетения ломаных линий, складывающиеся в нечитаемый рисунок. Идеальный слепок их отношений.

— Промолчать ты, конечно, не могла, — мягко урезонил ее Раза и протянул руку, с заметной нежной лаской дотрагиваясь до грязных волос.

— Не могла, — согласилась Вэл, не поднимая глаз.

Невесомо касаясь, рука Раза провела по шее, опустилась вниз по плечу, вызывая неконтролируемую дрожь в теле, а затем длинные пальцы медленно сжались на запястье.

Дыхание перехватило. Всего краткий миг, а затем Раза вздернул правую руку Вэл, заставляя поднять голову и посмотреть в черные затягивающие омуты.

Ну же. Спроси.

Вэл почти жаждала этого с подтачивающим изнутри, давно набившим оскомину раздражением.

— Где твой браслет?

Страх не было совсем. Было безразличие. Такое глубокое и обширное, что немного пугало.

— Какая разница? Он ничего не значит, — удивляясь собственному равнодушию, пожалала плечами Вэл.

Вспыхнули черным радужки бездонных глаз. Мелькнуло что-то в темной глубине, привычно дикое и почти неконтролируемое.

Разозлился.

Вэл мягко улыбнулась. Настолько предсказуемо, что почти скучно.

— Сколько человек тебя трахали, пока ты была одна? Отвечай. — Пальцы с силой стиснули запястье, причиняя боль.

Вэл сдвинула брови. А вот это удивило.

Удивило, но не тронуло.

Она наклонила голову к плечу, прищуриваясь, смотря дикому зверю в глаза, полные черного тумана.

— Нисколько. — Голос даже не дрогнул.

Легко было говорить правду.

А сердце вдруг успокоилось, уставшее, изможденное, не реагирующее, как прежде. Вэл до одури захотела рассмеяться.

Нет, рано она распрощалась с нависающей над ней истерикой. Рано.

Однозначно сказывалось выпитое, или дурман еще не покинул замученное тело. И это смешило еще больше.

— Сколько человек тебя трахали за эти полтора года?

Вэл дернулась, стараясь освободить ноющее запястье. Она поморщилась от боли, бросая быстрый взгляд на стиснувшую грязный рукав бледную ладонь.

Еще немного, и сломает, если вообще возможно сломать кость пальцами.

Бесполезно. Раза не отпускал ее, удерживая на месте.

Серебряный кулон скользнул по черной ткани, мелькая из-под расстегнутой куртки, сверкая ярко, словно издеваясь.

— Нисколько, я же говорю, — с раздражением в голосе ответила Вэл. — Чего ты добиваешься? Что ты хочешь услышать от меня? Что я все это время хранила тебе верность, ждала и верила в счастливое будущее? Да отвали ты!

— Да, именно это я и хочу услышать.

Вэл вскинулась, удивленно распахивая глаза. Часто заморгала, а потом хмыкнула, изгибая губы в ухмылке.

«Вот ты себя и выдал, пес».

Реальность изменилась. В один миг.

Это было даже не смешно, и это было далеко от истерики.

Она знала, как назвать все происходящее — абсолютное сумасшествие, привычное в ее новой жизни.

Совершенное, идеально выточенное, нескончаемое безумие. Игра, в которой не было правил, не было водящих.

А значит, в ней не будет ни проигравших, ни победителей. Только игроки, вынужденные играть бессмысленные, изнуряющие, а порой и убивающие их роли.

Вэл желала иного.

— Хочешь, я поцелую тебя? — неожиданно спросила Вэл и лукаво сощурилась, склоняя голову, не отрывая взгляда от бледного лица Раза.

— Что? — Удивление прорвалось сквозь показное равнодушие, исказило черты лица, заставило чуть отодвинуться.

Едва ли сам Раза понимал, как тело выдало его смятение. Но понимала Вэл.

Не хотелось задавать вопросы и искать ответы.

Она потянулась вперед, наблюдая, как заливает чернильно-черным широко распахнувшиеся глаза.

— Ра, — Вэл шепнула в приоткрытый рот, не отрывая горящего взгляда, — хочешь же...

Она дотронулась губами до чужого рта и тут же с глубоким удовлетворением ощутила, как неуверенно разжались крепкие пальцы, отпуская ее запястье. Вэл выдохнула, глотая

смешок, озаряясь пониманием, и подняла руку, касаясь кончиков черных волос.

Раза сделал вдох и замер, лишь сверкнули озера затуманенных глаз.

Вэл прикрыла веки, толкнулась языком в мягкие губы, игриво провела по ним, ластясь, как кошка.

И все же она была пьяна. Или одурманена. Возможно, и то и другое вместе. Потому что не было никакого объяснения собственным поступкам.

Вэл не понимала, где заканчивается ее игра и где начинаются чувства. Испытывать Раза, проверяя допустимые пределы, — привычка, будто въевшаяся в кожу. Но тело... оно оставалось собой, реагируя правильно.

По спине и рукам прокатился вихрь тонких, болезненно сладких иголочек, собираясь внизу живота.

Хотелось привычно выругаться, но рот был занят чужими губами. Нежность поцелуя переворачивала душу: легкие касания, мягкость и тепло, знакомые и родные.

И одновременно с этим — невероятно спокойный, почти неподвижный, замерший на вдохе Раза, не отталкивающий, но и не привычно берущий свое.

Вэл не желала думать о нем и его чувствах, искать объяснения его поведению. Ее интересовали только свои желания, которые она таила в себе так долго.

Уверенно проникла языком в расслабленный, подвластный ей рот, ощущая знакомый вкус, и тут же застонала, почувствовав, как окончательно и бесповоротно теряет себя. Она подалась вперед, подобрала ноги, садясь на колени и обхватывая руками черноволосую голову.

Условия. Договоренности. Цена поцелуя.

Да пусть катятся в пекло.

Она ласкала, мучила себя, не получая ничего в ответ, и тут же знакомая неуверенность распустилась в груди, проясняя одуревшую голову.

Раза позволял целовать себя, не реагируя, не обнимая, не овладевая. Спокойный, терпеливый, выжидающий.

Сука.

Смутное разочарование в самой себе опустилось внутри, оседая на ребрах пеплом.

Вэл остановилась, не открывая глаз, удерживая голову Раза обеими руками, чувствуя под пальцами мягкость черных волос, улыбнулась, чуть касаясь губами его рта, понимая, что проиграла.

Руки опустились на плечи, обвивая шею. Вэл, не стирая смущенной улыбки проигравшей, прижалась лбом ко лбу Раза, не смея поднять веки.

— Я слушаю, Вэл, — негромко произнес Раза, проводя носом по ее щеке. Волосы скользнули по коже. Почти нежно, почти ласка.

Как и приказ, который он только что озвучил. Почти нежный.

Она тихо засмеялась, поднимая веки и мгновенно окунаясь в бездонную тьму прищуренных глаз Раза. Волна дрожи прокатилась по спине, отзываясь на один лишь взгляд напротив.

— Да, я хранила верность и ждала, — смотря прямо, улыбаясь кончиками губ, смиренно признала Вэл. — Потому что ты мой Первый.

Раза ухмыльнулся. Сверкнули черные глаза, обводя взглядом потерявшее краски лицо Вэл.

Несомненно, с самого начала играл, зная все слабые стороны противницы. Зная ее лучше всех, — и куда лучше ее самой.

Черные брови насмешливо изогнулись.

— Ну вот, Кролик. Ведь несложно, правда?

— Нет, не сложно, — согласилась Вэл, чуть отодвигаясь и поглаживая пальцами мягкую кожу черной куртки. — А теперь ты скажи.

Блеснуло синим из-под темных ресниц, когда она встретила полный невысказанных вопросов взгляд Раза.

Он нахмурился, и Вэл почти увидела звезды в непроглядных радужках. Она прикусила губу, понимая, что никаких звезд там нет, только лишь собственное отражение.

— Скажи как есть, Ра. Ведь у меня хватило смелости, значит, и у тебя хватит. — Вэл с интересом наблюдала, как на его лице появляется странное незнакомое выражение, похожее на смущение.

Невероятно.

— Что ты хочешь услышать? — внезапно севшим голосом спросил Раза, не сводя с лица Вэл растерянного взгляда.

— Говори, Ра, я слушаю, — помолчав, неожиданно спокойным тоном ответила Вэл. — Если хочешь, чтобы все было по-другому, — просто скажи. Пора начинать говорить, мой Первый.

Тишина сгустилась вокруг, почти осязаемая. Они молчали, смотря друг на друга, — так, словно остались на свете вдвоем, и вокруг, в мире за стенами этого дома не было ни единой живой души.

Раза глубоко вздохнул, приоткрыл губы и замер, будто оборвавшись на полуслове.

Сердце затаилось, выжидая. Вэл услышала шум моря в ушах, накат высоких волн, стремительный прибой, от которого нет спасения.

— Я — твой, Вэл, этого не изменить, — не похоже на себя дернув уголком рта, шепнул он, смотря в голубые, тускло блестящие глаза.

Удар сердца — и Вэл затопило огромной, высокой волной. Хлынуло через край, обжигая кожу, нечто горячее и красное как кровь.

Она чуть заметно улыбнулась дрогнувшими губами, закрыла глаза, погружая себя в спасительный мрак, где не было алого цвета.

Нет, от алого не убежать. Никогда. Острое лезвие полоснуло изнутри, заливая жаром. Вэл застонала, стиснула пальцы на коже куртки, подалась вперед, прижимаясь всем телом к широкой груди Раза, уперлась коленом в его бедро и тут же ощутила сильные руки, обнявшие за талию.

А затем губы, привычно жестокие и подчиняющие, завладели ее ртом.

— Твой, — шепнул Раза, кусая, причиняя боль. — Запомни это на всю жизнь, Кролик.

И тут же — толчок, от которого спиной ударились о стену, и полубезумный неконтролируемый смех прорвался сквозь рванный поцелуй, и пальцы, вцепившиеся в податливую кожу куртки, будто свело судорогой.

Вэл села на пол, чувствуя чужую руку на бедре чуть выше колена, оглаживающую вверх по грязной ткани штанов.

Раза почти зарычал, пробуя капли крови, выступившие на растерзанной губе.

— Слышишь меня? — мучая влажный сдавшийся рот, выдохнул он. — Отвечай.

Приказ в тихом голосе, от которого колотило тело, бросая в жар.

Не дождавшись ответа, Раза приник к истерзанному рту, едва не трахая его языком, усиливая напор, даже в поцелуе становясь собственником.

Вэл застонала, почти не осознавая своих действий, забираясь ладонями под воротник куртки, смыкая пальцы на его шее. Она почувствовала, как дернулся кадык Раза, как бешено бьется вена, и сглотнула пересохшим горлом.

— А когда ты будешь только моим? — шепнула Вэл, отстраняясь, прерывая свергающий в пропасть поцелуй, сквозь темные ресницы заглядывая в черные, почти безумные глаза.

— Я и так твой, или ты не слышала? — Только лишь горькая усмешка, прикрытые в удовольствии веки и мягкость влажного языка, с наслаждением слизывающего кровь с нижней губы. И кажется, что Раза не чувствовал, не желал замечать рук, сомкнувшихся на шее.

Пальцы Вэл разжались, отпуская, скользнули вниз, задели серебряную цепочку, провели линию по мышцам груди, ощущая их сквозь плотную ткань черной туники.

— Ра, — разлепив ноющие губы, с мольбой в тихом голосе выдохнула Вэл. Она прижалась затылком к стене и запрокинула голову, уставившись в потолок, набирая полную грудь воздуха. Взгляд зацепился за выкрашенные светлой краской балки потолка, ровные и длинные, обыденные и оттого почему-то несущие спокойствие изнуренной душе.

— Я все знаю, — чуть слышно ответил он, прикасаясь ртом к измученным губам в последнем нежном и неожиданно заботливом поцелуе.

— Прости меня за то, что позволил себе... что не сдержался. Я буду всю жизнь виноват перед тобой за это.

Виноват. Не в смерти Никса, а в том, что избил ее, не сумев сдержать зверя.

Вэл хотела было возразить, высказаться, но сил не осталось. Ни капли.

— А теперь иди, Кролик. Даже не хочу знать, в каких сточных канавах ты провела ночь. А я должен найти Дэни, которая наверняка думает, что я уже убил тебя.

Она горько хмыкнула, растягивая губы в усмешке, тут же поморщилась от боли, не желая задумываться о том, как сильно истерзан рот, и опустила голову, смотря в черные глаза.

— А ты не убил?

— А ты меня? — Раза поднял руку, пальцами зарываясь в грязные путаные каштановые волосы, поглаживая с непривычной нежностью.

Вэл неловко пожала плечами, прикрывая веки, отдаваясь ласкающим ее рукам.

Она больше не задавалась глупыми вопросами о том, кто выиграл сегодняшнюю битву.

Они оба проиграли.

Письмо она получила на следующий день. Невзрачный мальчишка, подбежав к ней на улице, торопливо сунул мятый конверт в руку и сбежал, даже не обернувшись на удивленный оклик.

Вэл удивленно нахмурилась, разглядывая запечатанное письмо. Она с трудом не поддалась мгновенному желанию избавиться от явно не предвещающего ничего хорошего послания, но осеклась, не в силах противостоять искушению.

Чувствуя, как любопытство подталкивает в спину, Вэл торопливо добралась до дома, приветственно махнула рукой подскочившему Рашу, отодвинула его ногой, хмурясь на назойливого пса, и захлопнула дверь. Пальцы рванули плотный конверт.

Лист, сложенный пополам, хрустнул, когда Вэл развернула его.

Глаза пробежали по ровным строчкам.

Не осознала сразу, перечитала. Еще раз и еще.

И тут же разозлилась, сминая конверт с письмом в кулаке.

— Да пошла ты! — зло прошипела Вэл, решительным шагом прямо в грязных сапогах направляясь к камину.

Раш удивленно заскулил и вяло махнул хвостом, задрал морду, наблюдая за хозяйкой.

Она порывисто швырнула письмо в огонь, с удовольствием замечая, как занимается бумага, чернея и съезживаясь.

— Пошла ты, — повторила Вэл, ощущая кипучую злость, вспыхнувшую в сердце, — пошла ты...

ГЛАВА 3

Вэл ругала себя, но любопытство взяло верх над здравым смыслом.

В который раз.

Она знала, что поступает опрометчиво, но скребущий внутри интерес пересилил все разумные доводы.

Действовать чужими методами оказалось просто. Она нашла на улице сопливого чумазого мальчишку и предложила ему щедрую плату в обмен на маленькую услугу. Паренек был рад получить несколько монет, а Вэл решила, что скрываться по темным углам по меньшей мере глупо, и назначила встречу в самом людном месте города. На площади у городской ратуши.

Соблазнительно, открыто — и немного весело.

Яниса была недовольна, растеряна и даже не пыталась скрыть свои чувства.

Вэл мало интересовало ее мнение. Все, что она желала, это узнать интересующие ее подробности, поскорее закончить с неприятным разговором и вернуться в уютный полумрак архива к недовольным Брите и Зеффу, беспрестанно грызущимся по любому поводу.

Вэл улыбнулась. Стоило признать, она уже начинала любить их нескончаемую перебранку.

Мороз неприятно щипал кожу. Первые заморозки ударили по городу ночью, ранним утром оставляя неожиданную наледь под ногами. Поднявшийся ветер порывисто хлестнул по лицу, забираясь под теплый плащ. Вэл коснулась кончиками пальцев рта, ощущая сухую потрескавшуюся кожу губ.

Она вздохнула, сунула ладонь в карман, вытаскивая случайно захваченное с собой вялое зеленое яблоко.

— Слушаю тебя. — Вэл подкинула яблоко в воздух и тут же поймала его. — Что ты хотела?

— Почему мы разговариваем здесь? — Яниса озабоченно обвела глазами площадь, дергаными движениями поправляя рукава теплой шерстяной накидки. Ветер то и дело бросал ей в лицо отросшие до плеч светлые волосы.

Утро разбудило город, оживив его. Шумная суетливая толпа спешащих по своим делам горожан окружала Вэл и стоявшую рядом Янису. Кричали озорные дети, радующиеся тонкому льду в застывших лужах, тихо ржали лошади, стуча копытами по мощенной булыжником мостовой, скрипели тяжело груженные повозки торговцев, направляющиеся на городской рынок.

Яниса недовольно оглядывалась по сторонам, то и дело дотрагиваясь худыми пальцами до своей шерстяной накидки. «Волнуется, — с удовольствием поняла Вэл. — Пусть».

Яниса хочет разговора — пожалуйста. Вэл не возражала. Но полнейшей дурочкой себя не считала и прятаться в Дыре, скрываясь от возможных доносчиков, не собиралась.

Наоборот. Разговор на улице под открытым небом, в непосредственной близости от ратуши казался куда интереснее и острее, нежели мог быть, случись он в далеком от посторонних глаз месте.

— Мне нечего скрывать. А тебе? — Яблоко подлетело вверх. Вэл снова поймала его, а затем, усмехнувшись, протянула давней заклятой подруге. — Хочешь?

— Нет. — Яниса отстраненно посмотрела на яблоко, будто не понимая, что это такое, а затем подняла глаза. — Я хотела поговорить с тобой. Это очень серьезно.

Почти заинтересовала.

— Говори, я слушаю. — Вэл пожала плечами, сунула яблоко в карман и мотнула головой, отбрасывая мешающую прядь темных волос. Ветер, точно издеваясь, тут же швырнул ее в глаза.

— Нас же услышат, — Яниса поежилась, вновь оглядываясь по сторонам, — давай уйдем.

— Нет, я никуда не пойду. — Вэл хмыкнула, смотря в милостивое лицо, раскрасневшееся от первого мороза. — Хочешь говорить — говори здесь.

Яниса недовольно сжала губы в тонкую линию, нахмурилась, а затем, словно приняв какое-то важное для себя реше-

ние, подалась вперед, приблизившись к Вэл почти вплотную.

Вэл сдвинула брови, неприятно удивленная ее порывом.

— Это касается Раза, — быстро зашептала Яниса, запрокидывая голову, не отрывая взгляда. — Понимаешь? Я должна рассказать тебе. Кое-что угрожает ему, и только ты можешь... Больше некому. Ты же особенная для него, и поэтому он...

Вэл окатило горячей волной. Она дернула верхней губой, совершенно открыто оскалившись. Гнев, будто горячий воск, пролился извне, обжигая кожу.

Ледяной ветер показался теплым и сухим, неприятным, почти раздражающим.

Вэл отшатнулась от Янисы, с трудом удержавшись, чтобы не оттолкнуть ее.

— Я не буду этого слушать. — Она мотнула головой, едко усмехаясь, чувствуя, как на лицо опускается чуждая ей маска хладнокровия.

Хватит с нее этих игр. Хватит Янисы с ее осторожной улыбкой и очередными предупреждениями.

«И все же, Вэл, ты неисправима. Опять попала на ту же удочку».

Но в этот раз она могла прекратить все, не позволив завлечь себя в очередные, придуманные другими игры.

— Вэл, пожалуйста! Выслушай меня! — Пальцы Янисы сомкнулись на предплечье, и Вэл тут же брезгливо дернула плечом, освобождая руку.

— Не трогай меня! И замолчи. Не знаю, что ты задумала, но меня это не касается, ясно? — Голубые глаза потемнели до цвета зимних вод глубокого озера. — Больше никогда не желаю видеть тебя. Не приближайся ко мне, поняла?

— Вэл, я знаю, что ты не веришь мне, но, пожалуйста, выслушай... — Рука Янисы дрогнула, потянулась вперед, но Вэл, ощущая, как полыхают жаром щеки, стиснула челюсти, скользнула по бывшей подруге презрительным взглядом, резко развернулась и направилась прочь, оставляя ее за спиной.

Злость и раздражение клокотали внутри, как горящее масло. Вэл задела плечом крупного высокого мужчину, услышала громкую брань и зашипела, как кошка, не оборачиваясь, продолжая свой путь.

Ветер донес до ушей собственное имя, сказанное слабым, поникшим голосом.

Вэл с неприязнью поморщилась, ощущая себя так, словно вступила в собачье дерьмо.

Хватит. В этот раз она не позволит себе окончательно все разрушить.

Прошла неделя. Тихая, безмятежная, наполненная неизменной и неторопливой работой в архиве.

Несмотря на все попытки сопротивления, Брита, суровая и несгибаемая, заставила Вэл сесть за письменный стол, взята в руки перо и начать заполнять огромную книгу, ведя никому, по мнению девушки, не нужную перепись городской собственности.

Бесконечные списки незнакомых имен. Описания зданий. Даты.

Вэл злилась, выводя кривым почерком с трудом поддающиеся ей буквы. Перо царапало бумагу, чернила капали на серые листы, она чертыхалась, опасливо косясь на багровевшую от раздражения Бриту, спешно извинялась и продолжала свое нехитрое дело.

Зефф, не упускающий возможности уколоть ее, то и дело бросал свою работу и, почесывая живот, нависал над плечом, посмеиваясь в бороду.

— Ты достал, — сдерживаясь, огрызнулась Вэл, когда бородач в очередной раз громко засмеялся, указывая пальцем на простейшую ошибку. — Ты меня достал.

— Простите, высочество, не смею отвлекать. Продолжайте! — Он хохотнул и удалился, скрываясь в полумраке архива.

Вэл выдохнула и склонилась над толстой книгой, скрывая раздражение в глазах за пеленой распущенных волос.

Принцесса. Высочество. Малышка.

И это был не весь перечень добрых словечек, которыми ее щедро потчевали Брита и Зефф. Наверное, это было единственное, что объединяло их, но утешения это не приносило.

Возражать Вэл почти не пыталась — ее все равно никто не слушал.

Она злилась на себя, на свою нерешительность и вялые попытки сопротивления, которые подавлялись с завидной ре-

гулярностью. Она пыталась пресечь насмешки, но каждый раз терпела поражение. Вэл могла бороться с Бритой или Зеффом по одиночке, но вдвоем они представляли несокрушимую силу.

Удивительно. Они недолюбливали друг друга, но когда Вэл в очередной раз путала буквы в написанном слове, враждующие армии объединялись против общего врага.

В глубине души Вэл понимала, что на самом деле никаким врагом она для них не была и насмешки были своеобразной ширмой, скрывающей заботу, но раздражения это не унимало.

Возможно, не прознай Зефф о ее встрече с Раза, у нее еще был бы шанс избавиться от назойливых, тихо унижающих прозвищ.

— Вы помирились, да? — как-то спросил бородач, похлопывая ее по плечу. — Помирились. Я знаю. Дэни рассказала.

— Какая молодец Дэни, — закатывая глаза, ответила Вэл, — только мы не мирились.

Зефф лишь хохотнул, многозначительно приподнимая густые брови.

Вэл не возражала, не видя в этом никакого смысла.

Она и сама не понимала, что значило произошедшее между ней и Раза. Она не могла объяснить себе мотивов Раза, что двигали им, когда вместо очередного наказания он предпочел протянуть руки и обнять свою бывшую Вторую, произнеся слова покаяния за свой отвратительный поступок. Поступок, который наверняка причинил ему не менее сильную боль, чем ей.

Все лежало на поверхности, казалось простым и оттого совершенно невозможным.

Раздумывая над словами, которые сказал ей Раза, над вопросами, которые тот задавал, Вэл осознала, как ничтожно мало она знала черного баргеста. Четыре года, за которые она так и не потрудилась проникнуть в его душу и принять для себя живущего там зверя.

Зефф, не скрывая своего облегчения, то и дело поддевал Вэл, посмеиваясь над ней и Раза. Она вяло отмахивалась, слишком погруженная в себя, чтобы радоваться тому, чего не понимала.

Вэл больше не удивляло, что Раза привычно не вспоминал о ней, окунувшись в бесконечные дела города. Она перестала принимать это на свой счет.

Когда-то давно это задело бы ее, заставив окунуться в терзания и бесполезные поиски причин.

Сейчас же она была спокойна, отчетливо осознавая, что ему требуется время, чтобы обдумать серьезные слова, сказанные ими друг другу в тот совершенно ненормальный вечер в доме Дэни. Уходить в себя, закрываясь от мира, было в природе Раза. Он делал так не единожды, и Вэл перестала искать в его поведении скрытые мотивы.

Потому что ничего скрытого в Раза не было. Никогда. Он всегда был прямолинеен и честен перед ней. Стоило отдать ему должное — голая, порой жестокая откровенность была его главным оружием.

Удивительно, как много понадобилось времени, чтобы понять то, что всегда было перед глазами.

Раза не умел играть в игры, в которых Вэл была мастерицей. Очень давно он просил от нее только одного — предельной честности. И Вэл, несомненно, была честна, только...

Подобные мысли вызывали несмелую, наполненную печалью улыбку.

Твой. Запомни это на всю жизнь, Кролик.

На всю жизнь. Разве так бывает?

Конечно нет. Не бывает.

После всего, что произошло, после всех слов, действий, боли и унижений. После того, как они растоптали все, что должны были беречь.

Но слепая вера просыпалась и тянулась к этим словам, как новорожденный котенок тыкается носом в теплый бок матери.

И поэтому Вэл просто ждала слов Раза, его действий, его самого.

— Капризы и своеволие, — смотря прямо в глаза, вместо приветствия произнесла Амия. — Удивительное дело. Никак не могу понять, почему ты еще жива?

Вэл улыбнулась и радушно провела рукой в сторону скобоченных стульев.

— Добрый день, миледи. Не желаете чаю?

Амия скривила губы, выпрямилась, расправляя плечи, и обвела фигуру Вэл долгим неприятным взглядом, вызывающим холодок внутри.

— Где Брита? — с легким негодованием спросила она, смотря куда-то поверх головы девушки.

— Никого нет. Только я, — выдерживая ровный тон, ответила Вэл.

— Замечательно. И почему же никого нет? — Амия подняла руку, дотрагиваясь до собранных на затылке волос. Золотой браслет сверкнул на запястье, скользнув по рукаву черного платья.

Она носила те же цвета, что и Раза. Наверняка специально.

Вэл ухмыльнулась, засмотревшись на игру отблесков свечей на золоте.

— Они ушли на обед, — скованно ответила она, разглядывая точеную шею и высокую грудь Амии, которые подчеркивала тонкая золотая цепочка.

Красива, холодна и опасна — как змея.

Удивительно, но Вэл хорошо помнила вкус губ Амии. Интересно, а Амия ее?

— Выбора у меня нет, не так ли? — Высокие брови приподнялись, показывая недовольство. — Мне нужны кое-какие документы, подтверждающие право наследования. Я говорила Брите, она должна была подготовить их для меня.

— Конечно, миледи, — с безразличным лицом ответила Вэл.

Она знала, о каких документах идет речь. Повезло, не более. Услышанный накануне разговор между Руной и Бритой зацепил ее слух лишь из-за одного имени. И его обладательница стояла сейчас перед ней.

Вэл, удерживая на лице делано-равнодушное выражение, отвернулась от Амии и неторопливо прошла к ближайшему стеллажу. Она достала нужные бумаги.

— Это они? — Черные глаза сверкнули, останавливаясь на протянутых документах. — Я могу не проверять?

— Да, миледи, — кивнула Вэл, ощущая себя покорной служанкой. Правильное чувство, о котором не стоило забывать. Именно такова была ее истинная роль. Что бы ей ни казалось

про свои отношения с Раза, сейчас перед ней стояла его Вторая, а она сама была лишь забавной игрушкой.

Вэл не хотела так думать, но по-другому не получалось. Неуверенность, подпитанная одним присутствием рядом Амии, пустила корни в сердце, прорастая глубже и глубже.

Слишком путано. Слишком быстро. Она не понимала себя, как не понимала и произошедшего между ней и Раза. Вэл тянулась к случившемуся как к свету, зная, что будет отброшена во тьму.

И не было никого, кто мог бы помочь ей. Никого, кроме Раза.

— Хорошо, благодарю, — предельно вежливо произнесла Амия, взяла изящными пальцами тонкую стопку бумаг и прижала ее к груди.

Платье тихо зашуршало, когда она двинулась к выходу из архива. Тонкая ладонь легла на дверь и замерла. Амия оглянулась, мягкая усмешка тронула красивый рот.

Вэл сглотнула, поймав взгляд черных глаз, неприятно напоминающих Раза.

— Знаешь. Давно хотела сказать. За то время, что ты отсутствовала... — усмешка сменилась источающей яд улыбкой, — у Раза было три постоянные любовницы. Ну как — постоянные? Ты же видишь, что сейчас их нет рядом с ним. И, к слову, каждая из них была похожа на настоящую женщину, а не изображала из себя невесть кого.

Вэл молчала, смотря прямо в черные глаза, чувствуя внутреннюю неприязнь к Амии, усиливающуюся с каждым произнесенным ею словом.

Красива и умна. Хитра и беспощадна. Идеальная пара для Раза.

— Тебе, наверное, все вокруг внушают, что ты особенная для него, — пальцы заиграли стопкой бумаг, поглаживая ровные листы, — но вспомни, кто ты? Жалкая, нищая человеческая девчонка, которая предала его, так отблагодарив за спасение своей никчемной жизни. И еще, Валлери...

Услышав свое полное имя, Вэл дрогнула. Она смутилась, понимая, что выдала себя, и все же сдержалась, из последних сил стараясь выглядеть спокойной.

— Он все помнит. Никогда не забывает.

Амия улыбнулась, опустила глаза, бросив прощальный взгляд из-под густых черных ресниц, и толкнула тяжелую дверь.

После долгого пыльного дня в архиве Вэл, польстившись на предложение Зеффа немного отдохнуть в приятной компании его Второй, отправилась к нему домой.

Она долго сомневалась, желая поскорее оказаться в своей кровати, но Зефф был настойчив, и Вэл поддалась уговорам.

А теперь, слушая сдавленные, полные боли стоны Яковы, дрожа от охватившей тело нервной лихорадки, она глубоко пожалела о своем решении.

— Зефф, какого демона я здесь делаю? — с мукой в дрожащем голосе выдавила из себя Вэл, судорожно сглатывая.

— Не смей уходить! — Бородач, бледный как полотно, схватил Вэл за запястья, сжимая до боли. — Если ты уйдешь, я никогда не прощу тебе этого!

Вэл обреченно застонала, опуская плечи. Зефф отошел в сторону, дергано вытирая рот рукавом рубахи.

— Что вы там выясняете? — Раздраженный крик Яковы заставил Вэл вскинуть голову. — Если ты что-то пьешь, я тебя убью! Вэл, не смей наливать ему!

— Нет, что ты, м-милая! — севшим голосом, запнувшись на полуслове, крикнул бородач, оглядываясь на Вэл.

Взгляд Зеффа показался ей затравленным, и это почему-то вызвало на лице глупую скованную улыбку.

— Ты позвал повитуху? — Скрипнули половицы, и Якова, держась за поясицу, выглянула из комнаты.

Лицо ее было серым и полным муки. Вэл посмотрела на нее и, совершенно не осознавая своих действий, принялась грызть ноготь большого пальца.

— Да-да, конечно, я просил передать... ее позовут, — невнятно пробормотал Зефф, с ужасом в глазах смотря на большой живот, прикрытый темно-синим домашним платьем.

Вэл сглотнула, медленно перевела взгляд на лицо бородача, наполненное страданием, и сделала глубокий вдох.

Уйти она не могла. Остаться тоже. Значит, придется выбирать.